

И. С. Ратьковский

**«Гимназистки влюблялись в него
по уши»: Виленская гимназия в жизни
«Железного Феликса». 1887–1896 гг.**

В десятилетнем возрасте, осенью 1887 г., Феликс Дзержинский вместе с мамой и сестрой Альдоной приехал в Вильно, где выдержал экзамен в начальный класс Первой Виленской гимназии¹. Это было привилегированное учебное заведение, многие выпускники которого впоследствии стали известными общественными деятелями, представителями науки и искусства². В гимназические и студенческие годы закладывались основы мировоззрения многих будущих государственных и политических деятелей³, не станет исключением и Ф. Дзержинский.

Виленская гимназия находилась в здании бывшего университета. Художник Мстислав Добужинский, закончивший соседнюю 2-ю Виленскую гимназию в 1895 г. (в Первой гимназии отсутствовали вакансии на момент его перевода), вспоминал: «Старый университет представлял из себя довольно сложный конгломерат зданий с внутренними двориками и переходами. От прежних времен сохранились и небольшая башня давно упраздненной обсерватории с красивым фризом из знаков Зодиака. Все эти здания окружали большой двор Первой гимназии, засаженный деревьями; ко двору примыкал стройный фасад белого костела св. Яна, а рядом с костелом стояла четырехугольная колокольня с барочным верхом, возвышавшаяся над всеми крышами Вильны»⁴.

***Ратьковский
Илья Сергеевич,***
*кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)*

Однако в величественном здании гимназии существовала жесткая система обучения, подавляющая любое вольнолюбие, особенно польское. «Это уже была давно имевшаяся реальность, с которой сталкивались все поступавшие в нее. Виленская Первая гимназия, воспитавшая и премьер-министра Столыпина⁵, и маршала Пилсудского, и драматического артиста Шверубовича-Качалова, была всегда одной из образцовых по строгости гимназий России. Школьные законы на северо-западной окраине были после польского восстания 1864 года самые драконовские. Н. А. Сергиевский,

ставленник графа Д. А. Толстого, 29 лет подряд управлявший виленским учебным округом, откровенно и неумолимо проводил политику клерикально-реакционную. Поляки и евреи только терпелись. До 1905 революционного года, в сильное подражание несравненному Муравьеву-вешателю, неуклонно осуществлялась генерал-губернаторами программа мести и истребления национальных особенностей. Опека педагогической полиции была ревнивая и соглядатайствующая⁶.

Окончивший в 1885 г. Виленскую гимназию будущий лидер Польши Юзеф Пилсудский писал: «Я стал учеником Первой Виленской гимназии, находящейся в стенах старинного Виленского университета, бывшей Альма матер Мицкевича и Словацкого. Выглядело здесь, естественно, иначе, чем в их времена. Хозяйствовали здесь, учили и воспитывали молодежь царские педагоги, которые приносили в школу всякие политические страсти, считая в порядке вещей попираание самостоятельности и личного достоинства своих воспитанников. Для меня гимназическая жизнь была своего рода каторгой... Не хватило бы воловьей кожи на описание неустанных, унижающих придинок со стороны учителей, их действий, позорящих все, что ты привык уважать и любить... В таких условиях моя ненависть к царским учреждениям, к московскому притеснению возрастала с каждым годом...»⁷

Хотя Феликс Дзержинский поступил в Виленскую гимназию спустя два года после окончания ее Пилсудским, для ее учеников мало что изменилось. Для Дзержинского это была все та же душная атмосфера подавления личности, особенно по сравнению с его вольным детством. Гуляя в 1909 г. со своей будущей женой в окрестностях Кракова, Дзержинский эти годы вспоминал неохотно. «Скучно, но с ненавистью вспоминал Юзеф⁸ гимназический режим, русификаторство, шпионаж за учениками, принудительное посещение в табельные дни молебнов⁹, дрессировку на квартире учителя гимназии в Вильно, где он жил вместе с братьями», — писала С. С. Дзержинская¹⁰. Много лет спустя, в 1914 г., Феликс Дзержинский утверждал практически то же: «Когда я вспоминаю гимназические годы, которые не обогатили моей души, а сделали ее более убогой, я начинаю ненавидеть эту дрессировку, которая ставит себе задачей производство так называемых интеллигентов. И светлые воспоминания мои возвращаются к дням детства и перепрыгивают через школьные годы к более поздним годам, когда было так много страданий, но когда душа приобрела столько много богатств...»¹¹

Схоже отзывался о гимназии и другой ее знаменитый ученик, известный в будущем актер В. И. Качалов, тогда еще не взявший свой псевдоним, и носивший фамилию Шверубович (окончил гимназию в 1893 г.). В разговоре с профессором В. Н. Сперанским, также выпускником гимназии и своим одноклассником, он говорил, что, «...несмотря на принадлежность свою тогда к господствующей национальности и к привилегированному православию, он вспоминает гимназические годы с одной только грустью, даже жутью»¹².

Дзержинскому пришлось особенно тяжело, учитывая его характер и необузданное свободолюбие. Сразу переводить его в частный пансионат не стали, и первые два года

обучения он жил в Вильно с мамой. Елена Игнатьевна поселилась с детьми в доме № 21 по Заречной улице у своей родной сестры Эмилии Игнатьевны Завадской¹³. Феликс Иосифович Завадский, известный представитель издательской династии, по-прежнему оказывал помощь Дзержинским. На лето они возвращались домой в Дзержиново.

Позднее, уже в 1889–1895 гг., Феликс Дзержинский вместе с братьями поселился в частном пансионате, расположенном на квартирах преподавателей гимназии: сначала у учителя приготовительного класса Ф. М. Барсова, а затем у преподавателя математики П. П. Родкевича¹⁴.

Это была известная гимназическая практика, формально улучшавшая успеваемость, а на самом деле позволяющая гимназическим учителям иметь дополнительный доход, зачастую завышенный по сравнению с оказываемыми услугами. При этом проживание на гимназическом пансионе не только дорого обходилось гимназистам, но и неформально было рекомендовано. «Эти коммерческие заведения, по-польски “станции”, чаще всего содержали учителя. Вся жизнь ребят здесь находилась под постоянным бдительным контролем наставников и надзирателей гимназии. Тяжко жилось братьям, особенно свободолюбивому и пылкому Феликсу в перенаселенных комнатах этой частной “бурсы”»¹⁵.

Помпезность, парадность и официоз обучения в гимназии сказывалась во всем. Так, начало первого учебного года для Дзержинского и для всех остальных гимназистов и преподавателей Виленской Первой гимназии ознаменовалось посещением ее 4 сентября 1887 г. Обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым. Ежегодно во время выпускных экзаменов гимназию посещали генерал-губернатор и архиепископ Виленский и Литовский. Также в гимназии торжественно отмечались 15 мая — день памяти великих славянских первоучителей святых Кирилла и Мефодия, дни рождений членов царствующего дома и т. д. Особенно торжественно праздновали в сентябре 1888 г. 900-летие крещение Руси Св. равноапостольным Владимиром. Первая Виленская гимназия считалась цитаделью русского образования и культуры, и все преподавание строилось вокруг этого.

Несмотря на предпринятые меры по адаптации Феликса к учебе, в первом классе он остался на второй год, так как плохо знал русский язык, на котором велось обучение в гимназии. Между тем, в семье Дзержинских всегда говорили по-польски, и обучение русскому языку молодого Феликса началось при помощи старшей сестры Альдоны только в 7 лет¹⁶. Однако помощь сестры ограничивались каникулярным периодом. Домашнего обучения было явно недостаточно, как учитывая указанное обстоятельство, так и то, что у самой Альдоны на шестом году обучения была переэкзаменовка по русскому языку. Впрочем, как и оставление Феликса на второй год, так и переэкзаменовку Альдоны можно рассматривать не только как оценку их знаний, но и как результат целенаправленной политики русификации, характерной для виленских гимназий того времени. Так, Альдона была оставлена на переэкзаменовку по русскому языку только потому, что не смогла объяснить значение всего

лишь одного русского выражения «студеная вода». На вопрос учителя она ответила, что это вода из студня (по-польски «колодец»). На недоуменный вопрос педагога одноклассница сестры Дзержинского объяснила, что по-польски колодец называется студней. Узнав, что Альдона дома говорит по-польски, преподаватель заявил: «Я научу вас говорить по-русски. Получите переэкзаменовку!»¹⁷

Возможное объяснение строгости преподавателя русского языка к Дзержинскому — явное нежелание Феликса смириться с навязыванием русского языка. «В те годы в гимназии, как и во всей Литве, преследовалось все польское. В коридорах гимназии и на дверях висели надписи: «Говорить по-польски строго воспрещается. Это особенно возмущало моего брата», — вспоминала уже другая сестра Дзержинского¹⁸. Можно упомянуть и другой схожий случай, ставший известным благодаря газетной публикации. Согласно сообщению газеты «Гражданин», в 1888 г. в Вильно из гимназии за разговор на польском языке был исключен ученик. Это произошло как раз в тот год, когда Дзержинский стал второгодником¹⁹.

Отметим также общий строгий подход к учебе, характерный для Первой Виленской гимназии. Почти четверть учащихся, «по малоуспешности», оставались на второй год. Первые классы в гимназии были переполнены, и практика оставлений на второй год и даже отчислений была своего рода визитной карточкой гимназии.

Второй год обучения дался Феликсу Дзержинскому значительно проще. Постепенно сказывались его способности к точным наукам, особенно к математике и физике. В третьем классе состоялся перевод Феликса в частный пансион.

Наибольшие проблемы по-прежнему были с преподавателями русского языка, а также немецкого языка. Эти преподаватели стремились всячески унижить достоинство польских и еврейских гимназистов. За первое полугодие 1889/1890 учебного года Дзержинский имел за поведение всего лишь удовлетворительную оценку. Она была снижена за его шалости и драку с товарищами в гимназии: «умышленный крик при входе в класс преподавателя немецкого языка»²⁰. Упомянутый преподаватель одно время даже требовал отчисления Феликса Дзержинского из гимназии²¹.

Сохранилось описание Дзержинского этого периода, сделанное его старшим товарищем В. Н. Сперанским: «Ровесник мой по возрасту, Дзержинский был в Виленской Первой гимназии одним классом моложе меня. Отчетливо вижу его теперь перед моим духовным взором, вижу двенадцатилетним мальчиком, живым как ртуть и почти эпилептически нервным. Бледное малокровное лицо поминутно искажается гримасой. Резкий пронзительный голос как-то болезненно вибрирует. Неистовый Феликс постоянно носится ураганом по гимназическим коридорам, шумит, шалит и скандалит»²². О носящемся по коридорам гимназии Дзержинском Сперанский писал и в более ранних воспоминаниях. Правда, в них он явно демонизировал Дзержинского, в отличие от приведенных более поздних воспоминаний, откровенно подлаживаясь к требованиям эмиграции. «Вижу его теперь, как живого, перед моим духов-

ным взором, вижу его 11-летним мальчиком, с светло-зелеными глазами, в которых то и дело вспыхивают сатанинские огоньки. Подвижный, как ртуть, ураганом носился он по обширным коридорам нашей гимназии, служившей прежде заданием виленского университета, но у него совсем не чувствовалось здоровой и непосредственной жизнерадостности, не было заметно детского незлобивого задора, наоборот, сразу бросалось в глаза, какое-то нарастающее ожесточение, непримиримое не только против русской власти и русской национальности, но и против всего человечества. Тот человеконенавистнический садизм, который стал самой яркой чертой Дзержинского, когда он сделался верховным палачом русского народа, недвусмысленно проявлялся у него еще на школьной скамье»²³.

Но не только характер двенадцатилетнего подростка толкал Феликса на разные поступки. Сказывалось унижение и в ситуациях, которые напоминали об особом положении поляков и других инородцев в гимназии. Упомянутый уже соученик Дзержинского В. Н. Сперанский вспоминал: «По царским дням ученики всех христианских вероисповеданий обязаны были выстаивать литургию и молебен — младшие четыре класса в домовый гимназической церкви, а старшие четыре — в Николаевском кафедральном соборе (теперь снова превращенном в костел)²⁴. Как сейчас помню, что 26 февраля 1891 года в домовый нашей церкви Феликс Дзержинский стоял вплотную впереди меня. Превосходно пел гимназический хор. Наш законоучитель Антоний Павлович Гацкевич, тонкий позер и отличный проповедник, служил театрально-красиво. Дзержинского ничто в русском храме не интересовало.

Он томительно скучал и непрерывно вертелся. Наконец, Феликс сказал мне чрезвычайно нервным шепотом:

— Черт возьми! Мундир режет под мышками, галстук вылезает, ноги одеревенели. Скоро домой пойдем?

— А ты молись Богу о том, чтобы обедня скорее кончилась, — довольно неудачно пошутил я.

— На каком же языке прикажешь, Сперанский, вашему Богу молиться: ведь по польским молитвенникам вы нам запрещаете даже в костелах молиться, — ответил Дзержинский с ехидной усмешкой.

Я не знал о таком запрете, бесконечно оскорбительном для польского национального чувства, был очень сконфужен язвительной репликой Дзержинского и сумел ответить только так:

— Ну, стой смирно и помалкивай, а не то инспектор увидит!

— Буду стоять смирно и помалкивать, — возразил Дзержинский с загоревшимися недобрыми искорками, — буду стоять до поры до времени руки по швам, — повторил он уже угрожающим тоном...»²⁵

Не сложились его отношения, по воспоминаниям В. Н. Сперанского, и с другими преподавателями, требовавшими слепого подчинения и являвшимися сторонниками муштры

и зубрежки. Так, в 1892 г. Дзержинский навлек на себя особую немилость преподавателя военной гимнастики, поручика К. И. Смильгина, своим вызывающим антидисциплинарным поведением в строю и «за фронтом»²⁶. Дзержинский, передразнивавший его на занятии и тем самым нарочито сбивший гимназистов с безукоризненного выполнения команд поручика, был изгнан из гимназического зала. Вскоре он попался на глаза инспектору гимназии А. Е. Егорову. После долгой нотации на повышенных тонах со стороны инспектора, Дзержинский был наказан трехчасовым сидением под арестом в воскресенье в одном из пустующих классов. Вместе с ним в соседних пустующих классах были заперты другие провинившиеся гимназисты. Оставшись наедине, Дзержинский в качестве ответной меры подлил чернила в питьевой фильтр, из которого пили преподаватели и гимназисты, тщательно вытерев его затем снаружи. В результате на следующий день система была фактически выведена из строя, при этом никто так и не стал подозревать Дзержинского, и только товарищи знали о его проделке²⁷.

В воспоминаниях 1926 г., написанных спустя несколько дней после смерти Дзержинского, В. Н. Сперанский, нарочито упрощая ситуацию и демонизируя Дзержинского уже во времени его учебы в гимназии, вспоминал об этом случае иначе. Оставив за скобками многие подробности изгнания из строя Дзержинского, он писал о том, что чернила были вылиты в питьевой фильтр, предназначенный исключительно для младших гимназистов (что не соответствовало истине), с последующим подробным описанием «горького изумления малышей гимназистов». В спешке Сперанский даже позабыл о двух младших братьях-гимназистах Дзержинского, да и сама ситуация в таком виде становилась абсурдной. Она должна была служить примером уже упомянутого «изначального садизма гимназиста Дзержинского»²⁸. В более поздних и более подробных и взвешенных воспоминаниях он уже писал о питьевом фильтре, из которого пили преподаватели, о малышах-гимназистах уже не упоминая.

Читая подобные воспоминания, не следует считать Дзержинского наиболее неконтролируемым гимназистом, каким-то отъявленным смутьяном. Нарушения подобного рода часто фиксировались в Первой Виленской гимназии, несмотря на всю строгость режима, а может, как раз и благодаря этому. К подобным нарушителям дисциплины в гимназии была разработана целая система наказаний, в зависимости от тяжести проступка.

Меры взыскания, примененные для предупреждения или пресечения проступков со стороны учеников, например, за 1889/90 год были следующие: одиночное сидение в классе (этого рода взыскание было применено по отношению к ученикам младших классов 11 раз); выговор классного наставника перед классом сделан был 182-м ученикам из 441 ученика младших четырех классов и приговорительного, и 36-ти из 177 учеников старших классов; оставление в гимназии на 1 час после уроков с оповещением о том родителей (таких взысканий приходилось на учеников младших классов 1127); назначение особых занятий на дом

в праздничные и воскресные дни, для пополнения упущенного, применено было к 52 ученикам младших классов и к 6 старших; задержание в гимназии на время до 3-х часов (случаев этого рода взысканий было 145, примененных к ученикам младших классов, и 29 — к ученикам старших классов); выговор инспектора перед классом с внесением в штрафной журнал (таких взысканий в течение года было назначено ученикам младших классов 36, а ученикам старших классов — 13); заключение в карцер на время 1 до 4 часов (взыскание, наложенное на 100 учеников младших и 27 учеников старших классов); выговор директора перед классом с понижением балла за поведение (подвергались 23 ученика младших классов и один старшеклассник); заключение в карцер на время от 4 до 8 часов (применено по отношению к трем ученикам старших классов); заключению в карцер на время от 8 часов до 1 суток были подвергнуты 13 учеников младших классов; выговор от имени педагогического совета был сделан одному ученику класса. Уроки посещались учениками исправно, и за отчетный год насчитывалось всего 44 урока, пропущенных по причинам, которые не были признаны уважительными²⁹. Таким образом, проступки Феликса Дзержинского не были чем-то особенным для стен гимназии.

Вполне сложившимися были и его отношения с товарищами по гимназии. Тот же самый Сперанский говорил о товарищеских отношениях с Дзержинским и о том, что ничего кроме добра лично ему Дзержинский не делал³⁰. Более того, старшая сестра Ядвига, помогавшая Феликсу в учебе, вспоминала: «У Феликса было очень отзывчивое сердце. Помню такие случаи. Мать купит ему новые ботинки или форменную рубашку, смотрим, он приходит домой в каких-то рваных ботинках или старой рубашке. Оказывается, Феликс обменял с нуждающимся товарищем лучшее на худшее. Очень часто он свой завтрак, положенный ему в ранец, отдавал тому, у кого его не было»³¹.

При этом Феликс Дзержинский оставался самим собой, учеником, способным на шалости и проделки на любом уроке, в том числе и на математике. Так, Дзержинский мог подменить свою сданную работу (тетрадь) по алгебре на квартире у преподавателя математики Павла Павловича Родкевича, когда его жены не было дома, и подбивать на это товарища. Это облегчалось тем обстоятельством, что Феликс Дзержинский жил в это время в качестве пансионера уже на квартире последнего³².

В целом итоги обучения в пятом классе в 1892/93 учебном году были неплохие. Результаты обучения в гимназии преподаватели отмечали по трем показателям: успехи, внимание и прилежание. Наибольших успехов Феликс Дзержинский достиг в изучении Закона Божьего — 5, за «внимание» получив 4. Устное испытание по Закону Божьему он выдержал на «отлично»³³. Данные успехи были неслучайны, так как Дзержинский был крайне религиозен в детстве и даже готовился стать ксендзом. «Будучи в гимназии до 6 класса, я был очень религиозен, даже собирался поступить в римско-католическую духовную семинарию. Мать и один ксендз отговорили меня от этого. Из-за религиозной практики

у меня были даже ссоры со старшим братом. Будучи в 4-м классе, я заставлял их Богу молиться. Когда, уже будучи студентом, приехал на каникулы старший брат и спросил меня, как же я представляю себе своего Бога? Я ответил ему: “Бог — в сердце”. И сказал: “Если я когда-нибудь приду к выводу, что Бога нет, пушу себе пулю в лоб”³⁴. Именно религиозность Дзержинского и обеспечивала ему успехи в изучении Закона Божьего. В частности он принимал активное участие, и очень этим гордился, в самообразовательном и патриотическом кружке «Сердце Иисуса». Его старшая сестра Ядвига свидетельствовала: «Он очень любил Христа... Заветы Христа глубоко были вкоренены в его сердце... В 1893 г. Феликс хотел из гимназии перейти в Духовную Семинарию, чтобы в будущем остаться ксендзом, но преподаватель Закона Божьего в гимназии, ксендз Ясинский, отговорил его от этой мысли, так как Феликс был слишком весел и кокетлив, ухаживал за гимназистками, а те влюблялись в него по уши...»³⁵

Оценки по остальным предметам были также вполне приемлемыми: 4 за успехи Дзержинский получил по латинскому, древнегреческому, немецкому и французскому языкам, гимнастике и истории. Такие же показания были по этим предметам и по критерию «Внимательность». Лишь преподаватель гимнастики Сацукевич оценивал успехи Феликса как хорошие и удовлетворительные³⁶.

Постепенно критичное восприятие действительности у Дзержинского увеличивается. Характерный случай вспоминал соученик Феликса Сперанский. «В 1893 году виленское общественное мнение было очень взволновано таким событием: несколько учеников второй гимназии были пойманы с поличным сторожами в популярной часовне Остробрамской Богоматери в то время, как они совершали уже привычную для себя экономическую операцию: опустили в отверстие церковной кружки пластинку, смазанную клеем, чтобы к ней приставали монеты. Гимназисты были арестованы и на предварительном следствии в один голос показали, что на этот поступок их толкнуло постоянное мучительное недоедание в “конвикте” (так называлась казенная ученическая квартира для детей таможенных чиновников). На другой же день в шинельной младших классов во время большой перемены Феликс Дзержинский ораторствовал с пламенным воодушевлением.

“Вот увидите, что этим простофилям-неудачникам из второй гимназии ничего не будет. Выкрутятся превосходно и выйдут сухими из воды. Да еще старой обезьяне в очках здорово влетит из Петербурга за то, что из своего имения Молодечно гнилой картофель в “конвикт” поставлял и тем морил их голодом”. (Попечитель учебного округа Сергиевский, действительно, оказывал подведомственному учреждению такую хозяйственную услугу.)

Феликс оказался, действительно, хорошим пророком: через полгода дело о грешных школярах рассматривалось в Виленском окружном суде. Защита отвела из состава присяжных всех педагогов, произнесла прочувствованные речи и добилась для своих юных клиентов полного оправдания.

На другой день Феликс Дзержинский с номером “Виленского вестника” в руках прочел громогласно этот приговор и выкрикнул торжествующим тоном: “А что, ведь вышло аккуратно все так, как я предсказывал. Теперь эти парнишки станут поумнее и такими пустяками, как таскание монет из церковной кружки для личных надобностей, перестанут заниматься — найдется дельце посерьезнее. На этот раз уже не для личных нужд. В предприятиях молодецких не стоит разминиваться на мелкую монету. Надо быть соколом, а не жалким вороненком. Надо бить сверху без промаха по самой лакомой дичине, а не пробавляться нищенскими крохами случайной поживы. Смелым, если не Бог, так черт владеет! Нечего с трусишками мещанами церемониться. Бей без колебаний по ним, как по пушечному мясу, — больше все равно они никуда не годятся. Ничего вы, господа, еще не понимаете в таковских делах, не на шутку героических. Рутинеры и мямли вы робкие. Материнское молоко у вас на губах не обсохло!”³⁷

Перелом же в характере Феликса Дзержинского произошел на рубеже 1893/94 гг. Событием, которое повлияло на него, которое, по словам Дзержинского, перевернуло всю его жизнь, была так называемая Крожская резня (*Kražiai Massacre*). Эти события, получившие столь громкое название, произошли в Крожи (Кроже) — местечке в Литве. В 1891 г. местные власти, выполняя решение по русификации района и борьбе с католицизмом, закрыли местный женский монастырь бенедиктинок. А на следующий год решили закрыть из-за «ветхости» единственный оставшийся здесь деревянный католический храм. Просьба прихожан сохранить храм, отправленная Александру III, была проигнорирована. Стремясь не допустить уничтожения храма, местные жители установили в нем круглосуточное дежурство, звоня в колокола при малейшей угрозе. Полиция так и не смогла выполнить приказ губернатора Николая Михайловича Клингенберга (1852–1905). Занимавший с 1883 г. пост виленского полицмейстера и ковенского вице-губернатора, возглавивший Ковенскую губернию в 1887 г., выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, Клингенберг пошел в этой ситуации до конца.

Первая ноябрьская попытка «освобождения» храма от верующих, предпринятая 70 жандармами уже во главе с самим губернатором, оказалась также неудачной. Прихожане забаррикадировались в храме и не пустили туда жандармов. 23 ноября 1892 г. в Крожи вступил уже карательный донской казачий отряд примерно в 300 всадников. Казаки использовали как нагайки, так и огнестрельное оружие. Применялось и холодное оружие: одну из прихожанок зарубили саблей прямо на алтаре. Несколько человек было утоплено в реке. Были убиты 9 человек, около 50 ранены. Других участников «бунта» губернатор в административном порядке отправил на каторгу. Храм был освобожден от прихожан и закрыт, а губернатору Клингенбергу был пожалован орден св. Андрея³⁸.

На изменении характера Феликса в различной степени сказались и другие обстоятельства. В этот период особые дружеские отношения у Дзержинского сложились с младшими

представителями семьи Гольдман. Сыновья и дочь известного еврейского коммерсанта и писателя Исаака Мееровича Гольдмана (1839–1905) надолго станут близкими друзьями Дзержинского. Товарищами Феликса по Виленской гимназии были Марк и его старший брат Борис Гольдманы³⁹. Первый проучится в Виленской гимназии 7 лет, а Борис закончит ее в 1894 г. с золотой медалью, после чего поступит в Санкт-Петербургский университет. Согласно некоторым воспоминаниям, именно Борис вовлечет Дзержинского в гимназические кружки, ставящие своей целью не только самообразование, но и революционно-освободительные цели. При этом, другой брат получил свой впоследствии такой известный партийный псевдоним «Либер», благодаря Дзержинскому. Михаил, в отличие от других членов кружка, обращался к ним не просто, как остальные, — «Товарищ!», а «Дорогой товарищ!». Это звучало как «Lieber Genosse!» Поэтому он и получил, с легкой руки Феликса, прозвище-псевдоним «Либер». Кроме Михаила и Бориса, следует упомянуть их брата Леона Гольдмана, также известного деятеля социал-демократии России⁴⁰. Все трое братьев будут в будущем видными российскими марксистами. Знакомство с Гольдманами носило и романтический характер; именно такие отношения сложились у молодого Феликса с Юлией Гольдман, его первой любовью. Впрочем, Юля Гольдман также будет посещать социал-демократический кружок.

Интересно, что в вышедшей в более поздние советские годы книге С. В. Дзержинской дружба с Гольдманами не упоминалась, как и они сами, зато в ней говорилось о дружбе с братьями Касперовичами (с более старшим из них гимназистом Генрихом Касперовичем, впоследствии студентом петербургского университета, и младшим — Конрадом, гимназическим товарищем Дзержинского⁴¹), притом что в доступных списках выпускников Виленской гимназии они не значились.

Среди гимназических товарищей необходимо отметить Арона Александровича Сольца (1872–1945), правда, тогда только входившего в образовательные школьные кружки, но также критически настроенного как к режиму гимназии, так и в целом к российским властям. Он закончит гимназию в 1895 г. и так же как и многие выпускники гимназии, поступит в Петербургский университет. Спустя годы он займет видные посты в большевистской партии и еще больше сблизится с Дзержинским. Выпускником Виленской гимназии, однокашником Дзержинского и Сольца, будет и другой известный большевик Аким Григорьевич Пальчик (1876–1957).

В шестнадцать лет Феликс Дзержинский увлекся чтением философских трудов Иоганна Готлиба Фихте, Эммануила Канта, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, ученого Чарльза Дарвина. Популярное изложение теории последнего Дзержинский находил в работах видного русского ученого К. А. Тимирязева. Знакомство с их теориями подрывало его веру в Бога, формируя материалистическое мировоззрение. «Когда я был в 6-м классе гимназии, произошел перелом — в 1894 году. Тогда я целый год носился с тем, что Бога нет, и всем горячо доказывал это»⁴².

Способствовала разрыву с прежними представлениями о Боге и история с преподавателем мужской и женской гимназий Вильно Правосудовичем. В силу закрытости этих учебных заведений, общение между их учениками считалось излишним и вредным. Виделись гимназисты и гимназистки крайне редко, притом что их возраст способствовал возникновению романтических чувств. Это относилось и к Феликсу, чья романтическая внешность, тонкие черты лица привлекали многих гимназисток. «Он был разительно схож с матерью, Еленой Янушевской, женщиной редкой красоты. Та же тонкость аристократических черт лица, те же прищуренные зеленоватые глаза и красиво выписанный небольшой рот, по углам чуть опущенный презрительным искривлением. Юношеские портреты будущего председателя ВЧК чрезвычайно схожи с портретом юного Рафаэля: Дзержинский был хрупок, женственен и строен, "как тополь киевских высот"⁴³.

Через имевшего доступ в обе гимназии преподавателя существовала возможность переписки с гимназистками, которую и использовал в своих целях Дзержинский. Для этого он употреблял галоши Правосудовича, куда помещал записки, которые перемещались вместе с обувью из одного заведения в другое. Так же действовал и обратный маршрут: от гимназисток к Феликсу Дзержинскому. Через некоторое время «маршрут был раскрыт», Дзержинскому здорово досталось и от преподавателя, и, что было особенно неприятно, от ксендза. Эта история послужила одной из личных причин, пусть и не основных, его отхода от церкви⁴⁴. Согласно схожей версии С. С. Дзержинской, переписка между влюбленными Дзержинским и гимназисткой велась через «посредничество» калаш ксендза, который преподавал закон Божий в обеих гимназиях⁴⁵.

В самом главном обе версии сходятся. Правда, некоторые детали необходимо уточнить. А. Плеханов пишет об учителе словесности Правосудовиче (не упоминая его имени и отчества); скорее, все же речь идет о Емельяне Елевферьевиче Правосудовиче, который преподавал в мужской и женской гимназии всеобщую историю в 1895–1897 гг., а ранее (в 1886–1887 гг.) — в Виленском юнкерском училище. Отметим, что Е. Е. Правосудович сам был выпускником Первой Виленской гимназии 1876 г.

Хотя в воспоминаниях также нигде не говорится об имени гимназистки, с большой степенью вероятности есть основание утверждать, что это была Юлия Гольдман.

Главным же в отходе от прежних религиозных католических и политических националистических взглядов было все же знакомство с философскими и политэкономическими работами. Первые способствовали разрыву с Богом, вторые с польским национализмом. Дзержинского в социал-демократическое движение привели два человека, представители литовской социал-демократии — Альфонс Моравский (Алфонсас Моравскис) и доктор Антон Домашевич (Андрюс Домашявичюс). Особо доверительные отношения у него были, несмотря на значительную разницу в возрасте, с дворянином Ковенской губернии А. Домашевичем, который уже успел отбыть сибирскую ссылку в Мариинске Томской губернии и в других местах.

В 1894 г., учась в седьмом классе гимназии, Феликс Дзержинский вступает в социал-демократический гимназический кружок в Вильно, куда входили и гимназистки, под руководством одного из основателей социал-демократии Польши и Литвы Альфонса Моравского. Здесь он получил для изучения «Эрфуртскую программу» Социал-демократической партии Германии, и, по собственному признанию, «во мгновение ока стал ее adeptом»⁴⁶. По образному выражению Р. Гуля, «Бог католицизма в душе Дзержинского сменился “Богом Эрфуртской программы”. И опять везде, среди братьев и сестер, товарищей, родных, знакомых, Феликс Дзержинский стал страстно проповедовать свои новые революционные взгляды, принципы атеизма и положения марксизма»⁴⁷.

Эрфуртская партийная программа Социал-демократической партии Германии была принята в 1891 г., на смену прежней, так называемой «Готской программе» 1875 г. В программе, в частности, указывалось, что одним из важнейших условий успехов германского рабочего движения является верность принципам пролетарского интернационализма. Эрфуртская программа придала системность политическим взглядам Дзержинского, подготавливая его к профессиональной революционной деятельности и подготовив разрыв Дзержинского с польскими националистическими идеями. Характерно, что подобное влияние на становление политических взглядов фиксируются и в автобиографии известного в будущем большевика, одно время и чекиста Н. А. Скрипника, написанной в 1921 г.: «Переход к марксизму был очень труден. Пришлось выработать мировоззрение, отказаться от неопределенного революционизма. Прочитав Зибера “Рикардо и Маркс”, статьи Каутского в журнале “Северный Вестник” и др. издания, я все-таки еще не стал марксистом, пока ко мне не попал галицийский перевод “Эрфуртской программы”, заставившей меня порвать с прошлыми взглядами, приняться за Каутского, “Капитал” Маркса и признать себя марксистом. С 1897 г. я вел работу свою уже как марксист, социал-демократ и с этого времени считаю себя членом партии». Оба они будут работать в еще далеком 1918 г. в ВЧК, а жизненные пути их пересекутся еще ранее в Александровском центре. Один из них отказался от своего польского, второй от украинского национализма.

Являясь учеником 7-го класса гимназии, Феликс Дзержинский читал членам ученического кружка «...естественнонаучные книги, в том числе о жизни растений К. А. Тимирязева, стихи Некрасова, Конопницкой, “Оду к молодости” Мицкевича», — вспоминала одна из участниц кружка⁴⁸. Вскоре с небольшой группой товарищей на горе Гедимина в Вильно, подобно А. Герцену и Н. Огареву, поклявшихся на Воробьевых горах, он дает в день коронации Николая II торжественную клятву бороться со злом до последнего дыхания.

Но в его сердце есть место и для горячо любимой матери и семьи. В сочельник 1894 г. он едет к ней и к бабушке в Йоды, где встречает праздник в семейном кругу. Это было последнее Рождество, которое он провел вместе с мамой и другими членами своей семьи⁴⁹.

Уже в следующем 1895 г. он вступает в литовскую социал-демократию, учась марксисту и ведя кружок ремесленных и фабричных учеников. Сюда Феликса привел его тогдашний наставник в революционной деятельности доктор Антон Домашевич, представив его как товарищ «Якуб». Вскоре этот псевдоним сменился на другой, более известный впоследствии — «Яцек». Сам Дзержинский считал своим первым партийным псевдонимом именно его⁵⁰. Смена произошла, так как один из рабочих донес начальству, что некий Якуб ведет агитацию среди железнодорожников. «На нелегальном собрании мы решили, что нужно сменить псевдоним Якуба. Предложили заменить Якуб на Яцек. Дзержинский согласился, и с тех пор мы его все время называли Яцеком»⁵¹.

«До появления у нас Яцека, — вспоминал один из членов кружка А. Гульбович, — мы были очень слабы. Он начал читать нам брошюры и объяснять их. В числе прочих тогда брошюр помню “Кто чем живет”⁵², “Умственная работа и машина”, “Эрфуртскую программу” и другие. У меня был кружок, состоявший из 14–17-летних ребят. Я им читал брошюры: “О происхождении Земли”, “Откуда берутся дождь и снег”, “Откуда взялись камни на наших полях” и т. д.⁵³ Тут Яцек мне во многом помогал. Хотя он и говорил, что учится среди нас революционной работе, но, учась сам, Яцек сам в то же время и нас учил»⁵⁴.

«После Эрфуртской программы, — вспоминал другой участник кружка Эдвард Соколовский (Томаш), — мы прилежно принялись за Плеханова. Колоссальное влияние имела на нас его книжка “К вопросу о развитии монистического взгляда на историю”»⁵⁵.

Феликс Дзержинский в этот период регулярно читает издание польских социал-демократов «Справу роботничу» («Рабочее дело»). Большое впечатление произвел на него изданный к этому времени на польском языке вторым изданием «Коммунистический Манифест». Провозглашенный в нем лозунг, зовущий к объединению пролетариев всех стран, был им воспринят как прямой призыв к совместной борьбе польских и русских пролетариев против царизма.

Характерно, что свои последние гимназические каникулы Дзержинский посвятил, в конечном счете, также делу революции. Он поехал давать уроки для детей помещика Сволки в Лидском уезде. Полученные деньги, пятьдесят рублей за каждый месяц, он передал в революционную организацию⁵⁶. При этом все переезды по железной дороге он проводил исключительно в вагонах второго класса, не считая возможным транжирить деньги революции на удобное перемещение. Экономить на себе заработанные им же деньги он считал естественным для настоящего революционера.

Учеба в этот период у Дзержинского пересекалась с революционной деятельностью, что не лучшим образом сказывалось на его учебных успехах. К этому еще добавилась болезнь матери. Стремясь добиться улучшения ситуации, семья приняла решение о переводе ее в варшавскую клинику известного врача-невролога Рафаила Игнатъевича Радзиловича (Radziłowicza)⁵⁷. В начале сентября 1895 г. Дзержинский вместе с братом Станиславом

проводили в Варшаву тяжелобольную мать, вернувшись затем в Вильно. В середине месяца к ней, получив сведения об ухудшении ее здоровья, снова выехал Станислав, а затем и Феликс. В начале октября он вернулся в Вильно⁵⁸.

Учитывая болезнь дочери и необходимость помощи ее детям, 3 октября 1895 г. на постоянное место жительства из Йод в Вильно переехала бабушка Феликса Дзержинского — Казимира Янушевская. Она забрала в свой дом на Поплавской, 26, внуков, и те смогли покинуть частный гимназический пансионат⁵⁹. Во флигеле дома также проживала тетя Софья Пилляр, третья из сестер Янушевских.

Вскоре на чердаке бабушкиного дома Дзержинский оборудовал нелегальную компактную типографию, где лично на гектографе печатал небольшими тиражами листовки. О ее существовании никто из родственников то время так и не узнал, только в 1914 г., когда после налета немецкой авиации чистили чердак, обнаружили ее остатки⁶⁰.

Несколько позднее он оборудовал еще одну подпольную типографию в подвале Бернардинского костела. Здесь он с другими членами социал-демократической партии Литвы также печатал листовки. «Мы печатали, — вспоминала Мария Войткевич-Кржижановская, — на гектографе, по ночам, в подвале Бернардинского костела прокламации, брошюры, листовки. Таинственность обстановки, работа в ночной тишине при слабом свете копилки, заставляла нас бдительно следить за каждым движением, прислушиваться к каждому шороху. Нервы были напряжены. Лицо Феликса, целиком поглощенного делом, было вдохновенно»⁶¹. Третья нелегальная типография была расположена в другом районе Вильно, на Снеговой улице, рядом с полицейским участком. Подобное соседство представлялось Дзержинскому скорее благом, чем проблемой.

В декабре 1895 г., во время рождественских каникул, Феликс принимает участие в работе съезда представителей нелегальных ученических и студенческих кружков самообразования Польши, который проходил в Варшаве. На съезде Дзержинский, делегат от Вильно, выступил как сторонник пролетарского интернационализма. Яркое описание этого выступления оставил участник съезда, ученик 8 класса Келецкой гимназии Бронислав Кошутский: «Уже эти первые выступления Феликса, тогда восемнадцатилетнего юноши, носили черты, характерные для всей его позднейшей деятельности: глубокую веру в правильность революционной идеи и вместе с тем твердую волю и стремление воплотить в жизнь эти идеи, бескорыстность и бескомпромиссность»⁶². В эти же дни он посетил в варшавской больнице, как оказалось, в последний раз, свою больную мать.

Все большее вовлечение в революционное и рабочее движение постепенно готовило разрыв Дзержинского с прежними его представлениями о целях в жизни. Образование как самоцель уже мало значит для Феликса Дзержинского; скорее, даже отвлекает от новой идеи «освобождения человечества». Тем более что сам Дзержинский, увлеченный символизмом, испытывавший явные проблемы со здоровьем, считал, что ему суждено прожить

очень недолгую жизнь. Уже упомянутый А. Гульбинович вспоминал: «Яцек был моложе меня на три года. Мне тогда было 22 года, ему 19 лет. Как-то мы шли вместе ночью и разговаривали. Я ему говорю:

— Почему ты так не бережешь себя, так растрачиваешь свои силы? Нужно немного поберечь себя, иначе потеряешь здоровье.

— Чего уж там, — отвечает, — здоровье мое никудашное. Врачи сказали, что у меня хронический бронхит и порок сердца, что жить мне осталось не больше семи лет. Вот и нужно прожить эти семь лет как следует, полностью использовать для рабочего дела.

Я похолодел от этих слов. Я очень любил его...»⁶³ Разговор с товарищем состоялся вскоре после ухода из гимназии, но в послегимназический период Феликс не посещал врачей и его представления о состоянии своего здоровья и выводы, которые он делал, хорошо иллюстрируют более раннее отношение Дзержинского к своему здоровью⁶⁴.

Поэтому продолжающиеся занятия в Виленской гимназии представляются Дзержинскому вынужденной необходимостью, уступкой его матери и бабушке, которых он очень сильно и глубоко любил и не мог огорчить. Мать Дзержинского сильно болела, поэтому он не мог ее расстроить известием о прекращении своей учебы. Не отличалась здоровьем, в том числе в силу возраста, и его бабушка Казимира. Уход из гимназии, таким образом, откладывался, а возможно, и в целом становился невозможным.

14 января 1896 г. в варшавской больнице умирает мать Дзержинского — Елена Игнатьевна. Она будет похоронена в Вильно на Бернардинском кладбище. Во время ее болезни Дзержинский часто ездил к ней из Вильно, стараясь облегчить ее страдания. Так, сочельник 1895 г. он провел в поезде, который следовал в Варшаву⁶⁵.

Теперь же, после смерти матери, мало что удерживало его от разрыва с ненавистной гимназией. Тем более что через две недели умирает и мать Елены — бабушка Казимира Янушевская. Дзержинский чувствовал свою ответственность перед любимыми матерью и бабушкой, которые к тому же болели; теперь же он идет на демонстративный разрыв с учреждением, становясь профессиональным революционером. В автобиографии Дзержинский кратко писал об этом событии так: «Из гимназии выхожу сам добровольно в 1896 году, считая, что за верой должны следовать дела и надо быть ближе к массе и самому с ней учиться»⁶⁶.

Из воспоминаний брата Игнатия можно извлечь более развернутую канву событий: «Эпилогом его пребывания в гимназии было шумное событие, происшедшее между ним и учителем Мазиковым, обвинившим Фелька в краже книги из библиотеки гимназии. Это событие окончилось тем, что Феликс в присутствии учащихся сказал по адресу учителей нелицеприятные слова: “Не только ты, Мазиков, сволочь, но и все вы, учителя, являетесь мерзавцами...”»⁶⁷. Примерно так же излагала события и его племянница, дочь Владислава — С. В. Дзержинская, с одним уточнением, что у воспитателя класса Мазикова было прозвище «Рак»⁶⁸.

Согласно же воспоминаниям сестры Альдоны, Феликс вошел в учительскую и, обращаясь к учителю русского языка Раку, заявил о его несправедливости к ученикам-полякам и шовинизме; о национальном угнетении, ведущем к тому, что из учеников вырастут революционеры. «Вы сами готовите борцов за свободу», в конце выкрикнул он⁶⁹. Данное воспоминание представляется наиболее достоверным из вышеприведенных, так как в Первой Виленской гимназии в этот период действительно преподавал учитель русского языка Иван Григорьевич Рак.

Софья Игнатьевна Пилляр — родная тетя Феликса, попыталась смягчить ситуацию и обратилась 2 апреля 1896 г. к директору с просьбой освободить от занятий в гимназии ее племянника. Ходатайство принесло отчасти некоторые плоды. Вскоре ей выдали свидетельство о выбытии из гимназии на имя ученика восьмого класса Первой Виленской гимназии Феликса Дзержинского. Свидетельство давало право сдачи экзаменов на аттестат зрелости в любом другом городе и после этого без экзаменов поступить в университет⁷⁰. В свидетельстве об окончании семи классов гимназии, наряду с отметкой за примерное поведение, значились следующие оценки: по русскому и по греческому — «двойки», по закону Божьему — «четверка», по остальным предметам — «тройки»⁷¹. Обстоятельства «ухода из гимназии» в значительной степени определили и итоговые оценки знаний.

Позднее, в одном из сообщений начальника Виленского жандармского управления говорилось, что «Дзержинский, будучи в гимназии, уже обращал на себя внимание гимназического начальства тем, что он всегда будто бы был недоволен настоящим положением, что иногда им высказывалось, хотя в такой форме, которая не давала оснований к удалению его из заведения, но тем не менее начальство гимназии, заметив в нем такие проявления, уже не взяло на себя ответственность за выдачу ему аттестата зрелости, вследствие чего он и должен был оставить гимназию, и что два его старших брата также замечены в политической неблагонадежности»⁷².

Уход из гимназии обозначил начало фанатичной революционной деятельности Дзержинского. Деятельность, которая через многочисленные испытания в виде ссылки, тюрем, болезней станет одной из многих предтеч Красного октября 1917 г. Первое тюремное заключение последует уже через год, в 1897 г., за ней будет первая ссылка, первый побег⁷³. Позднее последуют новые аресты, и так вплоть до Февральской революции. Однако для Дзержинского ничего не менялось, клятва, данная в гимназические годы, оставалась нерушимой.

¹ Гимназию возглавлял выпускник Санкт-Петербургского университета, действительный статский советник Николай Иванович Юницкий, в гимназии преподававший также географию и историю. Новым директором с 1894 г. станет Павел Иванович Яхонтов (1848–1910).

² *Ратьковский И. С.* Из Вильно в Петербург: выпускники Первой Виленской гимназии в Санкт-Петербургском университете // Клио. 2013. № 10. С. 99–101.

- ³ Гаврилова О. А., Ходяков М. В. Санкт-Петербургский университет в судьбах лидеров русского либерализма: Ф. И. Родичев и В. Д. Набоков // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 116–133.
- ⁴ Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 93.
- ⁵ П. А. Столыпин, будущий премьер-министр России, обучался в гимназии первые шесть классов с 1874 по 1879 г.
- ⁶ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте // Русская жизнь. 2009. 29 января.
- ⁷ Налетч Д., Налетч Т. Юзеф Пилсудский — легенды и факты / Пер. с пол. М., 1990. С. 11.
- ⁸ Партийный псевдоним Ф. Э. Дзержинского.
- ⁹ Дни рождения российского императора и членов его семьи.
- ¹⁰ Дзержинская С. С. В годы великих боев. М., 1975. С. 123.
- ¹¹ Феликс Дзержинский. Дневник и письма. М., 1956. С. 158.
- ¹² В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте // Русская жизнь. 2009. 29 января.
- ¹³ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 41.
- ¹⁴ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография / Ред. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 11; Петербургский и пинский архитектор Николай Котович // Гістарычная брама. 2009. № 1 (24).
- ¹⁵ Дзержинская С. В. Героическая молодость. С. 41.
- ¹⁶ Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 17.
- ¹⁷ Там же. С. 18.
- ¹⁸ Дзержинская Я. Э. Наш Феликс // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 22.
- ¹⁹ Гражданин. Вильно, 1888. № 151.
- ²⁰ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 20–21.
- ²¹ Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. Изд. 3-е, доп., М., 1987. С. 11; Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 41.
- ²² В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте // Русская жизнь. 2009. 29 января.
- ²³ Феликс Дзержинский. Страницы школьных воспоминаний проф. В. Н. Сперанского // Иллюстрированная Россия. 1926. Июль. Выпуск №31 (64). С. 13.
- ²⁴ Только с 1897 г. обязательное присутствие по царским дням на церковной службе в православном собрании для гимназистов-католиков и гимназистов-лютеран было отменено.
- ²⁵ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте // Русская жизнь. 2009. 29 января.
- ²⁶ Смильгин Константин Иванович, выпускник Виленского пехотного юнкерского училища 1878 г. по 2 разряду в 106 пехотный уфимский полк, в 1892 г. поручик того же полка, привлекался для занятий военной гимнастикой в Первую Виленскую гимназию. С 1899 г. в запасе.
- ²⁷ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте // Русская жизнь. 2009. 29 января.
- ²⁸ Феликс Дзержинский. Страницы школьных воспоминаний проф. В. Н. Сперанского // Иллюстрированная Россия. 1926. Июль. Вып. № 31 (64). С. 13.
- ²⁹ Пахомов Алексей Петрович. Детство / В Вильнюсе. — URL: http://www.vilnius.skynet.lt/pahomov_detstvo.html (дата обращения: 07.02.2014).
- ³⁰ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте // Русская жизнь. 2009. 29 января.
- ³¹ Дзержинская Я. Э. Наш Феликс // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 107–108.
- ³² В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте // Русская жизнь. 2009. 29 января.
- ³³ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. С. 20.

³⁴ Там же. С. 21.

³⁵ *Добрюха Н.* Отчаяние Дзержинского // Известия. 2007. 11 сентября.

³⁶ *Плеханов А. М.* Дзержинский. Первый чекист России. С. 20.

³⁷ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте // Русская жизнь. 2009. 29 января.

³⁸ В июле 1896 г. Н. М. Клингенберг был назначен Вятским губернатором. Здесь состоится его встреча с Дзержинским. С 10 октября 1901 г. по июль 1902 г. он возглавлял Владимирскую губернию, откуда перешел на губернаторскую должность в Могилев. Во время его правления прошел могилевский погром, в котором он был обвинен. В 1905 г. на него было совершено два покушения, последнее из которых оказалось успешным. Пришедшая на прием под девичьей фамилией матери (баронессы Мейендорф) 38-летняя врач-стоматолог, дочь минского помещика, эсерка Л. П. Езерская (1866–1915) убила его из браунинга. После революции улица Жандармская в Могилеве была переименована в Езерскую.

³⁹ Либер (Гольдман) Марк Исаакович (1880, Вильно – 1937, Алма-Ата), с 1896 г. член социал-демократической партии Литвы, с 1897 г. один из лидеров Бунда. В 1903 г. глава делегации Бунда на 2-м съезде РСДРП, меньшевик. Годнев (Гольдман) Борис Исаакович (1874–1937), член РСДРП, большевик, впоследствии меньшевик-оборонец.

⁴⁰ Гольдман Леон Исаакович (1877–1939), известный деятель социал-демократического движения, член ЦК меньшевиков.

⁴¹ *Дзержинская С. В.* Героическая молодость. С. 51.

⁴² *Плеханов А. М.* Дзержинский. Первый чекист России. С. 21.

⁴³ *Гуль Р.* Дзержинский. М., 1992. С. 8–9.

⁴⁴ Профессор Академии ФСБ Александр Плеханов: «Нормальной семейной жизни у Феликса Дзержинского не было» // Известия. 2007. 11 мая.

⁴⁵ *Дзержинская С. С.* В годы великих боев. М., 1975. С. 123.

⁴⁶ *Плеханов А. М.* Дзержинский. Первый чекист России. С. 21.

⁴⁷ *Гуль Р.* Дзержинский. С. 10.

⁴⁸ *Войткевич-Кржижановская М.* О себе он не думал // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 46.

⁴⁹ Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 53.

⁵⁰ Феликс Дзержинский. Дневник. Письма к родным. М., 1956. С. 11.

⁵¹ *Гульбинович А.* На заре рабочего движения // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 49.

⁵² Работа известного польского социалиста «Кто с чего живет?» Ш. Р. Дикштейна (1858–1884), псевдоним — Ян Млот. Является переложением первого тома «Капитала» Карла Маркса. Опубликовано в 1881 г.

⁵³ Брошюры К. А. Тимирязева (1843–1920).

⁵⁴ *Гульбинович А.* На заре рабочего движения // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 49.

⁵⁵ Цит. по: *Зубов Н. Ф. Э.* Дзержинский. Биография. Изд. 3-е, доп. М., 1971. С. 10.

⁵⁶ *Дзержинская С. В.* Героическая молодость. М., 1977. С. 50.

⁵⁷ Радзилович Рафаил Игнатьевич (1860–1929), невропатолог, психиатр, доктор медицины, профессор. Выпускник медицинского факультета Дерптского ун-та (1886). В 1889–1891 гг. — ординатор психиатрической лечебницы св. Николая в Петербурге, затем занимался частной практикой. В 1905–1915 гг. — преподаватель на Высших женских курсах в Петербурге. Один из организаторов Прогрессивно-демократического союза и Союза польских врачей. В 1922–1926 гг. доцент Варшавского университета. С 1927 г. жил в Вильно, профессор психиатрии университета, директор государственного психиатрического госпиталя.

- ⁵⁸ Дзержинская С. В. Героическая молодость. С. 53.
- ⁵⁹ Там же. С. 53–54; Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. Изд. 3-е, доп., М., 1987. С. 11.
- ⁶⁰ Дзержинская-Кояллович А. Воспоминания сестры // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 37; Дзержинская С. В. Героическая молодость. С. 54.
- ⁶¹ Войткевич-Кржижановская М. О себе он не думал // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 46.
- ⁶² Кошутский Б. В начале пути // Там же. С. 42.
- ⁶³ Гульбинович А. На заре рабочего движения // Там же. С. 49.
- ⁶⁴ Более подробно о здоровье Ф. Э. Дзержинского см.: Ратьковский И. С. Здоровье «Железного Феликса» // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 98. С. 884–904.
- ⁶⁵ Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 53.
- ⁶⁶ Феликс Дзержинский. Дневники и письма. М., 1956. С. 8.
- ⁶⁷ Цит. по: Федоткина Т. Палач королевства любви // Московский комсомолец. 1998. 5 сентября. — В более мягкой отредактированной форме это изложено в официальной советской биографии Ф. Э. Дзержинского: «Твердо решив добровольно оставить гимназию, Феликс зашел однажды в учительскую и открыто выступил с резкой критикой одного из наиболее ненавистных, реакционных педагогов — шовиниста Мазикова. Дзержинский смело высказал ошеломленным учителям свои взгляды на постановку воспитания, а вернувшись домой, поделился об этом с близкими, испытывая удовлетворение от исполненного долга» // Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. Изд. 3-е, доп., М., 1987. С. 11.
- ⁶⁸ Дзержинская С. В. Героическая молодость. С. 44, 59–60.
- ⁶⁹ Дзержинская-Кояллович А. Воспоминания сестры // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. С. 38.
- ⁷⁰ Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. Изд. 3-е, доп., М., 1987. С. 18.
- ⁷¹ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. С. 20.
- ⁷² Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 208.
- ⁷³ Ратьковский И. С. Первая ссылка Дзержинского // Россия в XX веке: человек и власть. Сб. статей / Отв. ред. М. В. Ходяков // Труды исторического факультета СПбГУ. Том 14. С. 53–72.

УДК 94(47).082

Ратьковский И. С. «Гимназистки влюблялись в него по уши»: Виленская гимназия в жизни «Железного Феликса». 1887–1896 гг. // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 197–217.

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрен гимназический период жизни Феликса Эдмундовича Дзержинского. На основе многочисленных мемуаров, писем, дневников и других источников прослеживается весь период обучения Феликса Дзержинского в Первой Виленской гимназии. Именно в этот гимназический период (1887–1897) сложился характер будущего главы ВЧК, его мировоззрение, его первый круг общения. Его товарищами были братья М. И. Гольдман (партийный псевдоним — Либер, 1880–1937) и Б. И. Гольдман (партийный псевдоним — Годнев, 1874–1937), А. А. Сольц (1872–1945), А. Г. Пальчик (1876–1957) и другие в будущем известные деятели революционного движения. В семье Гольдман Дзержинский нашел и свою первую любовь —

Юлию Гольдман. Среди гимназического окружения Дзержинского также были известные деятели культуры и науки. Анализируются особенности обучения в Виленской гимназии, их влияние на Ф. Дзержинского. В статье прослеживается постепенное изменение его политических взглядов. Если первые годы обучения характеризуют Дзержинского как радикально национально ориентированного польского гимназиста, то в последний период обучения это уже российский революционер со сложившимися интернационалистическими социал-демократическими взглядами. В статье показывается, почему Дзержинский сделал этот выбор, отличный от выбора другого известного выпускника Первой Виленской гимназии Юзефа Пилсудского. Статья также дает представление о жизни российского гимназиста конца XIX в. В статье Феликс Дзержинский раскрывается не только как будущий революционный деятель, он показан как реальный ученик гимназии, с проказами, шалостями, гимназическим бунтарством и ученическими буднями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ф. Э. Дзержинский, ВЧК, ОГПУ, история революционного движения в России, Вильна, Первая Виленская гимназия, история Санкт-Петербургского университета.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); il-67@yandex.ru

Ratkovsky I. S. Vilna Gymnasium in the life of "Iron Felix" Dzerzhinsky (1887–1896)

ABSTRACT: The present article gives a full consideration of the gymnasium period of Felix Dzerzhinsky's life. On the basis of many memoirs, letters, diaries and other historical sources the whole period of Dzerzhinsky's study in the First Vilna Gymnasium is investigated. It was during this period (1887–1897) that the future's head of Cheka's character, world view, and first circle of contacts were formed. His friends were: brothers M. I. Goldman (party pseudonym — Liber, 1880–1937) and B. I. Goldman (party pseudonym — Godnev 1874–1937), A. A. Soltz (1872–1945), A. G. Palchik (1876–1957) and other future famous figures of the revolution movement. In the Goldman family Dzerzhinsky also met his first love — Julia Goldberg. At Dzerzhinsky's gymnasium there were also famous figures of culture and science. The article analyzes the characteristics of education at the Vilna gymnasium and their influence on Dzerzhinsky. The article examines the slow transformation of Dzerzhinsky's views from a radical Polish gymnasium schoolboy during the first years of study to the Russian revolutionary with fully-formed international, social, and democratic views during the last years of study. In the article it is shown why Dzerzhinsky took such a different path to another famous graduate of the First Vilna Gymnasium, Jusef Pilsudskiy. The article also gives a general insight into Russian gymnasiums and school-boy life at the end of the 19th century. Dzerzhinsky is presented not only as future revolutionary figure but as a real schoolboy with all his antics, mischief, gymnasium nonconformity and everyday school life.

KEYWORDS: Felix Dzerzhinsky, Cheka, History of the revolutionary movement in Russia, Vilna, the First Vilna gymnasium, History of the Saint Petersburg University.

AUTHOR: Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); il-67@yandex.ru

REFERENCES:

- ¹ Ratkovskii I. S. 'Iz Vilno v Peterburg: vypuskniki Pervoi Vilenskoi gimnazii v Sankt-Peterburgskom universitete' in *Klio*, 2013, no. 10 (2003).
- ² Gavrilova O. A., Khodiakov M. V. 'Sankt-Peterburgskii universitet v sudbakh liderov russkogo liberalizma: F. I. Rodichev i V. D. Nabokov' in *Noveishaia istoriia Rossii*, 2013, no. 1.
- ³ Dobuzhinskii M. V. *Vospominaniia* (Moscow, 1987).
- ⁴ 'V. N. Speranskii o Dzerzhinskom-gimnaziste' in *Russkaia zhizn*, 29 January 2009.

-
- ⁵ Nalecz D., Nalecz T. *Juzef Pilsudski — legendy i fakty* (Moscow, 1990).
- ⁶ Dzerzhinskaia S. S. *V gody velikikh boev* (Moscow, 1975).
- ⁷ Feliks Dzerzhinskii. *Dnevnik i pisma* (Moscow, 1956).
- ⁸ Dzerzhinskaia S. V. *Geroicheskaia molodost* (Moscow, 1977).
- ⁹ Feliks Edmundovich Dzerzhinskii: *Biografiia*, Ed. A. S. Velidov (Moscow, 1987).
- ¹⁰ 'Peterburgskii i pinski arkhitekt Nikolai Kotovich' in *Gistarychnaia brama*, 2009, no. 1 (24).
- ¹¹ Dzerzhinskaia-Koiallovich A. E. 'Vospominaniia sestry' in *O Felikse Dzerzhinskom. Vospominaniia, ocherki, stati sovremennikov* (Moscow, 1987).
- ¹² Dzerzhinskaia Ia. E. 'Nash Feliks' in *O Felikse Dzerzhinskom. Vospominaniia, ocherki, stati sovremennikov* (Moscow, 1987).
- ¹³ Dzerzhinskaia Ia. E. 'Nash Feliks' in *Rytcar revoliucii. Vospominaniia sovremennikov o Felikse Edmundoviche Dzerzhinskom* (Moscow, 1967).
- ¹⁴ *Grazhdanin* (Vilno), 1888, no. 151.
- ¹⁵ Plekhanov A. M. *Dzerzhinskii. Pervyi chekist Rossii* (Moscow, 2007).
- ¹⁶ 'Feliks Dzerzhinskii. Stranitsy shkolnykh vospominanii prof. V. N. Speranskogo' in *Illustrirovannaia Rossiia*, July 1926, Iss. no.31 (64).
- ¹⁷ Dobriukha N. 'Otchaianie Dzerzhinskogo' in *Izvestia*, 11 September 2007.
- ¹⁸ Gul R. *Dzerzhinskii* (Moscow, 1992).
- ¹⁹ 'Professor Akademii FSB Aleksandr Plekhanov: "Normalnoi semeinoi zhizni u Feliksa Dzerzhinskogo ne bylo"' in *Izvestia*, 11 May 2007.
- ²⁰ Voitkevich-Krzhizhanovskaia M. 'O sebe on ne dumal' in *Rytcar revoliucii. Vospominaniia sovremennikov o Felikse Edmundoviche Dzerzhinskom* (Moscow, 1967).
- ²¹ Feliks Dzerzhinskii. *Dnevnik zakliuchennogo. Pisma* (Moscow, 1984).
- ²² Feliks Dzerzhinskii. *Dnevnik. Pisma k rodnym* (Moscow, 1956).
- ²³ Gulbinovich A. 'Na zare rabocheho dvizheniia' in *Rytcar revoliucii. Vospominaniia sovremennikov o Felikse Edmundoviche Dzerzhinskom* (Moscow, 1967).
- ²⁴ Zubov N. F. E. *Dzerzhinskii. Biografiia* (Moscow, 1971).
- ²⁵ Fedotkina T. 'Palach korolevstva liubvi' in *Moskovskiy komsomoletz*, 5 September 1998.
- ²⁶ *Proletarskaia revoliuciia*, 1926. no. 9.
- ²⁷ Ratkovskii I. S. 'Pervaia ssylka Dzerzhinskogo' in *Rossiia v XX veke: chelovek i vlast. Sb. statei (Trudy istoricheskogo fakulteta SPbGU. Vol. 14)*, Ed. M. V. Khodiakov (St. Petersburg, 2013).
- ²⁸ Ratkovskii I. S. 'Zdorovie "Zheleznogo Feliksa"' in *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2014, no. 98.